

«В НОЧЬ АВАРИИ Я ГОЛЫМИ РУКАМИ СНИМАЛА ФОРМУ С ПОЖАРНЫХ, ДОСТАВЛЕННЫХ С ЧАЭС.»

Дария ГОРСКАЯ
специально для «ФАКТОВ»

ТЕПЕРЬ У МЕНЯ НЕТ ОТПЕЧАТКОВ ПАЛЬЦЕВ»

Медсестры Припятской медсанчасти рассказали о том, как в ночь на 26 апреля 1986 года спасали первых жертв радиации

В медсанчасти № 126 города Припять Людмила Джулай (слева) и Алла Макарец работали с 1974 года (женщины держат фото медсанчасти, какой она была до аварии)

Алла Макарец в молодости

леньким ребенком — тогда только родила сына. А в августе переехал муж. Когда я вышла из декрета, пошла на скорую помощь в амбулаторию. На тот момент в городе было только три дома. В одном из них мы почти сразу получили двухкомнатную квартиру, а когда родилась дочь — «трешку». В 1974 году построили нашу медсанчасть, больницу и поликлинику.

— А я туда попала на полгода позже, — делится Людмила Джулай, на момент аварии — фельдшер психиатрической службы медсанчасти № 126 города Припять. — До этого жила с мужем в Чернобыле, снимала квартиру. Потом решила пойти в райисполком и попросить жилье. Такой мне хороший чиновник попался! Глянул на меня (а я худенькая, маленькая была), пожалел и говорит: будут в Припяти четвертый по счету дом сдавать — приходи, получишь жилье. Зимой 1971 года мы уже переехали.

Припять строили очень быстро. Одну многоэтажку, следом — вторую. И сразу же рядом — садик, школу, магазины. Зарплаты были хорошие, и главное — не было такого дефицита, как в других населенных пунктах. Купить можно было все: одежду, обувь, мебель, музыкальные инструменты, свежие фрукты и овощи в любое время года. На нашей «фабрике-кухне» готовили невероятно вкусные пирожки, десерты. А детские площадки, бассейны, дворец культуры «Энергетик», парк развлечений, наша любимая медсанчасть... Это был настоящий город-мечта.

— Скажите, накануне тех печальных событий у вас не было предчувствия беды?

— Абсолютно никакого, — говорит Алла Ивановна. — Была весна — яркая, теплая. Все общались, работали, гуляли, веселились. Никто не мог предположить, что все оборвется вот так, в одночасье. В ночь на 26 апреля в моей квартире раздался телефонный звонок. Заведующий отделением

сказал срочно бежать на работу. Как раз за пару дней до этого были занятия по гражданской обороне, и я предположила — опять учения. «Нет, кое-что похуже», — ответил заведующий. Как только я пришла, он сказал, что на станции произошла авария, и потребовал... выдать спирт. Это вещь подотчетная, поэтому я пыталась отказываться, но начальник сказал, что все берет на себя. Всех сотрудников, даже трезвенников, заставили выпить по 50 грамм в качестве внутренней дезактивации.

— Первых пострадавших начали привозить в два часа ночи, — говорит Людмила Джулай. — Выглядели они ужасно. Лица бордовые, как будто сильно обгорели на пляже. Многих рвало. Мы снимали с них одежду голыми руками, без перчаток. И всех — под душ. А кому было совсем плохо — сразу под капельницу, без душа.

Так сейчас выглядит припятская медсанчасть, которая была одним из самых современных медицинских центров в СССР

— Почему вы работали без перчаток? Разве не понимали, насколько это было опасно?

— Никто ничего не знал и не понимал. Кроме одного: что надо работать, работать, работать, спасать людей. Привезли Шашенка (Владимир Шашенок работал на станции инженером-наладчиком. — Авт.) — он был весь черный, сразу видно, что не жилец. Через несколько часов он умер. Поступили две женщины — Клавдия Лауконина и Екатерина Иваненко. Они даже не на станции были во время взрыва, работали в военизированной охране управления строительства. Но получили огромные дозы облучения. Ка-

тя Иваненко просила меня позвонить ее старенькой маме, сказать, что она в больнице, чтобы та не переживала, не ждала ее. Я не позвонила — на тот момент в Припять уже отрубили всю телефонную связь. Катя умерла в Москве, в 6-й больнице. Похоронена вместе с Клавдией на Митинском кладбище. А я так и живу с этим грехом, что не позвонила ее старенькой маме...

«Нам объявили, что эвакуация временная. Ехали с сумочками, даже документы с собой не брали»

— В Москве умерли все пострадавшие во время аварии на ЧАЭС. Их лечил приглашенный из Америки доктор Роберт Гейл, делавший пересадку костного мозга. В то же время главный радиолог Минздрава СССР Леонид Киндзельский в Киеве спас почти всех, кто к нему поступил, так как вводил стволовые клетки через вены...

— Это правда. Но так случилось еще и потому, что в Москву ребят увезли во время скрытого периода. Казалось, они не такие тяжелые, но это было обманчиво. Знаете, мне еще с медучилища запомнилась тема «острая лучевая болезнь»: я за нее тогда несправедливо двойку получила. На зачете ответила, как по учебнику: «Первый период болезни — острый, симптомы: тошнота, рвота. Второй период — скрытый, уходит вся симптоматика». «А жалобы?» — спросил меня преподаватель. — «Жалоб нет». — «Неверно. Жалобы пациентов в этот период — то, что их не выписывают домой. Садитесь, два». Именно так и происходило с первыми ликвидаторами в латентный период — им казалось, они идут на поправку, ребята требовали одежду и были серьезно настроены возвращаться домой. Но это было началом конца...

— Как вы узнали о том, что будет эвакуация города?

— 26 апреля мы отработали до девяти вечера, и от начмеда поступила команда — всем по домам, — продолжает Людмила Джулай. — Я на скорой завезла документацию по пострадавшим в бункер ЧАЭС, где заседала правительственная комиссия, и пошла домой. Плюхнулась на стул, сына попросила купить воды и кефира — внутри все жгло, как огнем. Только задремала — среди ночи звонок от знакомой: «Людя, ходят слухи, что будет эвакуация. Это правда?» Я вскочила, оделась, вышла на улицу. Увидела во дворе милицейскую машину, подошла: «Ребята, а правда, что будет эвакуация?» Они замялись, ничего не ответили. И вдруг заговорила рация у них в машине: «Колонна автобусов на подъезде к Чернобылю. Будем формировать колонну там». Я слово в слово запомнила, до сих пор мурашки по коже. «Ребята, спасибо, вопрос снят. Все понятно», — сказала я милицейским и пошла домой собираться.

— А я в ту ночь осталась работать вместе со своим заведующим, — говорит Алла Макарец. — Вечером погрузили первую партию пораженных в автобусы — их увозили в Борисполь, а оттуда самолетом в Москву. Домой со смены возвращалась в полпервого ночи, 27 апреля. Иду, дороги моются, и нигде никого. Еще из больницы позвонила мужу, чтобы выставил за дверь квартиры таз с водой.

На лестничной клетке разделась догола, выбросила всю зараженную одежду, вымыла руки и лицо. И сразу в ванную. Дети наши были тогда у родителей в Новых Шепеличах. Я еще днем им звонила, сказала всем выпить по чарке водки «для профилактики» и даже детям налить по ложечке. Вечером легла спать, а муж потихоньку выдернул из розетки телефон, чтобы меня не беспокоили.

(Окончание на стр. 10)

История о том, как внештатный корреспондент «ФАКТОВ» (по совместительству гид по Чернобыльской зоне) познакомилась с медсестрами, дежурившими в Припятской медсанчасти в ночь аварии, сама по себе интересна. Рассказываю от первого лица.

Это было в декабре 2019 года. Я вела группу иностранных туристов по городу-призраку Припять, рассказывая о реалиях жизни в этом некогда райском для советского человека уголке. Остановившись возле медсанчасти № 126. Рассказываю туристам, что в 1986 году это был один из самых современных медицинских центров в СССР, прекрасно оборудованный, со множеством отделений — хирургией, поликлиникой, стоматологией, наркологией, отделением матери и ребенка, массой узкопрофильных специалистов. Кроме радиолога.

Несмотря на то что всего в трех километрах от 50-тысячного города находилась ЧАЭС, радиолога в Припяти не могло быть по определению. Это противоречило бы советской пропаганде о непогрешимом и безопасном реакторе.

«В результате, — говорю, — в ночь трагедии в медсанчасти № 126 дежурили несколько медсестер и врач приемного отделения. Когда скорые начали привозить к ним со станции первых пострадавших с симптомами острой лучевой болезни, медсестры попросту не знали, что с ними делать. Голыми руками стаскивали с обгоревших, захлебывавшихся рвотой пожарных форму, мыли несчастных, ставили капельницы, спасали как могли...» Пока я рассказывала, позади меня стояли две пожилые женщины, у которых брал интервью тележурналист. Внезапно одна из них подошла ко мне и буквально схватила меня за куртку. «Ты гид? А это твои туристы? Скажи им, что мы еще живы. Скажи им, что мы сделали все, что в наших силах!» — втолковывала мне седоволосая женщина. «А вы кто?» — не понимала я. «Мы медсестры, работавшие здесь в ночь аварии...»

И вот сейчас, 15 месяцев спустя, накануне 35-й годовщины аварии на ЧАЭС, мы встретились с этими двумя женщинами.

— Мы же там прожили, считай, с первого колышка и до последнего дня, — рассказывает Алла Макарец, на момент аварии — старшая медсестра наркологического отделения медсанчасти № 126 города Припять. — В мае 1971 года я переехала в Припять с ма-

«В НОЧЬ АВАРИИ Я ГОЛЫМИ РУКАМИ СНИМАЛА ФОРМУ С ПОЖАРНЫХ, ДОСТАВЛЕННЫХ С ЧАЭС. ТЕПЕРЬ У МЕНЯ НЕТ ОТПЕЧАТКОВ ПАЛЬЦЕВ»

(Окончание. Начало на стр. 9)

— Утром поехала на велосипеде в медсанчасть, — продолжает Алла Макарец. — Там уже эвакуировали больных — в Чернобыль, в Киев. Меня отправили домой, сказали, что в 14:00 будет эвакуация. Мы с мужем поехали к моим родителям в село. Я плакала — страшно было их оставлять. А мама меня успокаивала: «Не плачь. Я вот сижу за столом, ты через три дня вернешься — и я буду сидеть за этим же столом». Все же думали, что эвакуация временная, как нам и объявляли. Ехали с сумочками, даже документы с собой не брали. Большинство воспринимало это как дополнительный трехдневный отгул. Брали с собой гитары, ехали, как на пикник. Мы не осознавали, что теряем Припят, теряем нашу счастливую жизнь навсегда.

— Вас эвакуировали в Киев?

— Припятчан автобусами вывозили в Полесский район. А кто-то выезжал на машинах — и ехал куда хотел. Мои дети уехали еще раньше нас с мужем. У меня сестра была беременная, так ее муж вместе с их старшим ребенком и двумя нашими увез всех на своей машине. На тот момент в городе уже была отключена телефонная междугородняя связь, Припят закрыли для въезда и выезда. Поэтому они выезжали на своей машине окольными путями. Поехали в Боярку Киевской области, к родственникам.

Мы после эвакуации бросились туда, а где искать своих, не знаем. Мобильных же не было. Разыскивали через районную администрацию. И сразу отправили детей на несколько месяцев в летний лагерь, в «Молодую гвардию». Где к ним, кстати, очень плохо относились, потому что чернобыльские, «радиоактивные». Слухи-то уже ползли, а толком никто ничего не знал, вот и шарахались.

— Да, в то время все мы разыскивали друг друга, потому что не понимали, кого куда эвакуировали, — соглашается Людмила Джулай. — В Полесском на почте в алфавитном порядке лежала вся корреспонденция для припятчан. И вот это время было лакмусовой бумажкой для человеческих отношений — сразу выявлялось, кто тебе друг, а кто нет. Мне написала знакомая, с которой мы когда-то отдыхали в Бердянске: «Людочка, я знаю, что у вас что-то случилось, что вас эвакуировали. Приезжай с сыном и родителями к нам. Мы все поместимся, мы вас примем». Это было первое и единственное письмо, которое я получила. И написала его не моя родственница, а просто добрый человек.

— Когда для вас закончилась острая фаза Чернобыля?

— Никогда, — на глаза Аллы Ивановны наворачиваются слезы. — Там дом родительский, там было наше счастье. А Припят? По городу тоскуем до сих пор. Вспоминаю его — и плачу. Нам нигде больше не было так хорошо.

— Последний раз мы были в Припяти в декабре 2019 года, как раз когда вас за куртку поймали, — добавляет Людмила Васильевна. — Я тогда зашла в свою бывшую квартиру — а там пусто, вывезено все. И на столе раскрытая книга — единственная из нашей большой библиотеки, которую не забрали. Я посмотрела на название и поняла, что у ликвидатора, занимавшегося дезактивацией моей квартиры, была тонкая душа. Это была книга Юрия Бедзика «Прощайтесь навзавжди».

— После эвакуации вы уже не возвращались в Припят?

— Ну что вы, конечно, возвращались! — говорит Алла Ивановна. — В Киеве пробыли всего несколько недель, и все время переживали: как же мы без рабо-

ты? Там же нужна помощь! 14 числа поехали в Зону отчуждения. Медсанчасть перебазировалась в пионерский лагерь «Сказочный». Там мы жили, на автобусах добирались до села Копачи. В Копачах пересаживались на БТРы и уже ехали на работу. Бронетранспортеры были нужны, чтобы хоть как-то нас защитить от радиации, потому что начиная от Копачей и до станции, где находился здравпункт, был очень высокий радиационный фон.

Ехали мы как-то на скорой мимо Копачей, как раз должны были пересаживаться в БТР и вдруг видим — в поселке разбита палатка, солдаты ходят, представляете? При том, что там даже находиться долго нельзя было, не то что палатку ставить. А под деревом мальчик лежит, молодюсенький солдат. В трусах и в майке. Мы ему: «Сынок, ты что делаешь? Встань немедленно». А ему так плохо, что он не может стоять, падает. У меня эта картина до сих пор перед глазами... Солдат загоняли на ликвидационные работы, ничего не объясняя, никак их не защищая. Как пушечное мясо. Я работала в Чернобыльской Зоне отчуждения до 1987 года в стационаре, Люда — до 1995 года в здравпункте.

— Вы работали в нечеловечески опасных радиационных условиях. Кто контролировал ваши дозы облучения?

— У меня 25 бер накопленной радиации, — рассказывает Алла Макарец. — Хотя на самом деле это просто тот предельный максимум, который был установлен в наших индивидуальных накопителей. 25 бер — и так очень много, но я знаю, что по факту «набрала» гораздо больше. Дети стали чаще болеть, сын в результате умер еще молодым. У меня сильно болят ноги, и вообще очень пошатнулось здоровье.

— Это правда, — соглашается Людми-

ла Джулай. — У меня были радиационные ожоги. А еще из-за того, что в ночь аварии я носила одежду пожарных голыми руками, радиация «выела» мне кожу. У меня нет отпечатков пальцев, — Людмила Васильевна показывает гладкие, как бумага, пучки пальцев правой руки. — Поэтому на загранпаспорте мне делали специальный чип для распознавания. Подтвердить свою личность отпечатком пальца, как все, я не могу.

Мы, ликвидаторы, приравнены к инвалидам войны. При этом пользуемся одной льготой (вместо трех, положенных по закону!) и не кричим о своем подвиге на каждом перекрестке, не бьем себя в грудь. Платим в маршрутках за проезд, чтобы не слушать слова водителей о «халвщиках».

Два раза в год — на день ликвидатора, и сейчас, 26 апреля, в стране вспоминают о Чернобыле. Но превращается это все в формальности. При этом государство платит эвакуированным — людям, которые провели минимум 36 часов в дичайшем радиационном фоне и угробили свое здоровье, — 2 тысячи гривен. А те, кто заехал на пару часов после аварии и выхлопотал себе нужную бумажку, теперь называют себя ликвидаторами.

— Помню, после эвакуации нам дали путевку в санаторий «Ялта-Киров», — с горечью говорит Алла Макарец. — И туда же приехала одна дама на высоких каблуках. И, не зная, кто мы, села за нашим столом и начала: «У меня сын умер в Чернобыле. А вы знаете, что там в лесу два вагона стояли с мертвыми?» Я обомлела. «Какие вагоны? А ты их видела? Как тебе не стыдно?» Мы, медсестры, работавшие с ночи аварии, знали, что погибли в Припяти двое человек — Владимир Шашенок и Валерий Ходемчук, которого так и не достали из-под завалов. Какие два вагона с мертвыми?

Так что вам сегодня повезло. Пока мы, настоящие ликвидаторы, еще живы, у мира есть возможность узнать правду о Чернобыле.